

Аидия
Ирбит

СОЗВЕДИЕ УГЕР

МОНГУН-ТАЙГА

Монгун-Тайга – надменная красавица,
Что неприступно на земле стоит.
Туманом, словно шалью, одевается.
И ледяным дыханием знобит.

«Когда, Монгун-Тайга,
свой гнев арктический
На солнечную милость сменишь ты?...»
Увы, ответом на вопрос лирический –
Лишь скалы саблезубой высоты.

Неговорлива, несловоохотлива,
Ты эхом откликаешься на зов.
К моим губам подносишь ты заботливо
Струю своих священных родников.

Однако, вся такая неприступная,
Монгун-Тайга, как ласковая мать,
Привыкшая под горными уступами
Для нас в ущельях солнце выпекать.

ЮНОСТЬ

Конь молодой норовист –
Не уходился пока.
Сбросить с себя норовит
И укусить седока.

Конь норовистый пригож.
Он подружился с весной.

Как он на юность похож,
Буйный и озорной!

Взбрыкивает во сне –
Юности норов такой!..
Лето на смену весне
Зреет в приволье лугов.

Снова надежда томит
Строгую душу мою..
Спой, черноглазый джигит!
Я же тебе подпою.

Взгляды твои, как огонь,
Сердце прожгут изнутри..
В прошлое мчится мой конь –
Розовый в свете зари.

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Сердцем песнь любви лови.
Этой песни нет чудесней.
Огненный цветок любви
Полыхает в этой песне.

Расцветёт на леднике
Жар-цветок – предвестник солнца,
И любовь к Монгун-Тайге
Жаркой песней отзовется.

Расскажите, горы, мне,
Кто огонь цвести заставил,

И безумствовать, и не
Признавать унылых правил?..

Как шутить с огнём ты мог?
Шутка вышла очень злою –
Огненный любви цветок
Вмиг осыпался золою.

* * *

Рано встала, косы заплетала,
Говорила ласковую речь.
Села я на скакуна Ояла,
Поскакала солнышку навстречь.

Вяло так ласково и чисто
Ароматным вереском с полей.
И росы жемчужное монисто
Серебрилось на груди моей.

Распорядок жизни одинаков...
И менять не надо ничего,
Если стадо добродушных яков
Ожидает клича моего.

ДЕТСТВО

Золотое детство среди коз,
Яков, и овец, и скал высоких,
Как-то ненароком, но всерьёз
Я твои усвоила уроки.

Колыбельной песнею живой
Мама мою душу напитала.
На просторах родины родной,
Посреди родимого аала.

Утром я пила душистый чай.
Проводила дни в забавных играх.
Как-то ненароком-невзначай
Душу своей родины постигла.

По горам скакала во всю прыть,
Взрослым не внимавшая советам
Осторожней в этой жизни быть...
И была счастливою при этом!

Детство моё милое, ты – рай,
Где среди тувинских песнопений
Цвёл на горных склонах шончалай –
Самый ранний из цветов весенних.

ТУН ПАЙРАМ

Восхищаться вечно не устану
Гордою хакасскою землёй.
Ледяные снежные Саяны
Подружились навсегда со мной.

Предложили мне испить айрана...
Окликало эхо: «Тун пайрам!..»
Ах, Саяны, гордые Саяны,
Я отныне не чужая вам!

В час, когда разлука-лихоманка
Мне диктует покаянный стих,
Вспомню я, что царственной осанкой
Ты, любимый, так похож на них.

Тун Пайрам! Я славить не устану,
Воплощая в благодарный стих,
Голубые горные Саяны
Или чашу, полную айрана –
Ту, что мы испили на двоих.

ЛЕТНЕЕ КОЧЕВЬЕ

Летнее весёлое кочевье –
Молодёжь ликует и поёт.
Звон таёжных вековых деревьев
И турпанов золотых полёт.

Всем под солнцем места здесь достанет,
Всяческая живность здесь в чести.
Козочки пастись да не устанут,
По сусекам суслики скрести!

Резвую лошадку оседлаю.
Наберу в горах цветов букет...

Подарю тому, о ком мечтаю
И кого желанней в мире нет!

ОГЛЯДЫВАЮСЬ

Монгун-Тайга, я женщина-скала,
 Твоим высоким скалам я сестра.
 Здесь с детства
 мною протоптаны тропинки,
 Истожены ущелья и ложбинки.

Здесь каждый уходящий ввысь утёс
 Корнями из души моей возрос,
 А яркие цветы на солнцепёке
 Диктуют мне возвышенные строки.

Здесь эхо множит вдохновенный стих
 Про предков достопамятных моих.
 Стремит орёл полёт свой молодой,
 Взлетает стих над горною грядой.

И, отразившись в солнечном луче,
 Поёт, как птица, на моём плече.

* * *

Без секретов жизни не бывает.
 Это с юности известно нам.
 Разве тайны сердца доверяют
 Первым встречным или же врагам?

Мой вопрос остался без ответа,
 Без остатка растворясь вдали:
 «Почему же мы с тобой секреты
 Друг от друга, милый, завели?...»

* * *

Перстень на руке искрится,
 А глаза грустны совсем...
 Продавщица, продавщица.
 Взвесь мне счастья граммов семь!

То-то очередь большая!
 Видно, счастье нужно всем.
 Продавщица дорогая,
 Как у вас тут насчёт цен?

Я смотрю – в ассортименте
 Жадность, зависть и разврат.

Спрос на все товары эти,
 Как и выбор их, богат!

Продавщица принародно
 Объяснит с печалью мне:
 «Нынче спрос на что угодно,
 Только счастье не в цене...»

МАТЕРИНСКАЯ ЮРТА

*Моей матери
 Чечек Мунзуковне Салчак,
 матери-героине*

Я вспомню,
 Если мне тревожно,
 И душу давит суета,
 Что где-то между скал таёжных –
 Родимой матушки юрта.

Замка не знавшая от века,
 Юрта поможет всем в беде.
 Гостеприимнее ночлега
 Не сыщешь более нигде!

Покуда ветры свирепеют
 (У здешних ветров нрав такой!),
 Юрту очаг семейный греет,
 Зажжённый маминой рукой.

О, мама, пусть минует старость,
 И вечно юной будешь ты...
 Пусть дым, как белоснежный парус,
 На волю рвётся из юрты.

В житейском море пусть, как прежде,
 Который век, который год
 Навстречу вере и надежде
 Аратская юрта плывёт.

СЛОВО

Уврачает, поранит,
 Уведёт от обид,
 Очарует, обманет,
 Острой болью пронзит.

То взыскует сурово,
 То в заботе о нас...
 Заповедное слово –
 Материнский наказ.

* * *

Я любимых пощадить просила.
 Защитить родных от клеветы.
 Но явилась смерть и исказила
 Моих близких милые черты.

Становясь от чёрной боли пьяной,
 Я молчком на кладбище брела...
 Повалившись в ноженьки бурьяну,
 Я осоку матушкой звала.

Ах, как больно мне и одиноко!
 Моё сердце погрузилось в ночь.
 Помоги мне, матушка-осока,
 Эту боль-разлуку превозмочь!

Я рыдала, по траве каталась,
 А потом склонилась пред судьбой...
 И осока грустная шепталась
 С тихим ветром и бурьян-травой.

* * *

Закон земного притяженья
 К юрте, где твой очаг горит,
 Сильней любого искушенья,
 Превыше всех земных обид.

Речушка держит речь на склоне.
 Глаголет ветер по верхам...
 О притяжение святое
 К родимой речи и стихам!

Тянусь душой к родному слову...
 А в это время между гор
 Крутая радуга-подкова
 К себе притягивает взор.

Мы в этот мир пришли случайно.
 И наши бранные сердца
 Родного притяженья тайну
 Постичь не в силах до конца.

УГЕР

Пускай опять накрыла небо мгла,
 Мне посторонней помощи не надо.
 Ведь отовсюду, где б я ни была,
 Я отыщу небесные Плеяды.

До боли натрудив глаза свои,
 Увижу – светят из вселенской стужи,
 Как отсвет галактической любви,
 Шесть млечных
 драгоценных звёзд-жемчужин.

Уралу, Волге, Лене и Неве
 Они горят-горят, не угасают...
 Созвездием Угер в моей Тыве
 Ту связку звёзд жемчужных величают.

* * *

О вкусах не спорят? О вкусах не спорят!
 Я, помнится, как-то картошку пекла.
 Задумалась о поэтической доле –
 Стихи сочинила, картошку сожгла.

Стихи, несомненно, достойны оваций...
 Да всё ж от стихов невеликий навар.
 Уныло вдохнули мои домочадцы
 Лирическо-кухонный этот угар.

Стихами, что с жару,
 Стихами, что с пылу,
 Стихами, что дышат, как хлеб, горячо,
 Я щедро домашних своих угостила...
 И что же они? Попросили ещё!

НАЗОВИТЕ

Вот она – всесильная богиня.
 Ты ей не перечь, не прекословь.
 Наш огромный дивный мир – пустыня
 Без неё... А имя ей – Любовь!

Вот Любви извечная врагиня.
 Ей перечить тяжело посметь.
 Не тревожь напрасно это имя,
 Потому что это имя – Смерть.

* * *

Дождливое утро. Худые ботинки.
До дома ещё далеко мне идти.
Плетусь по размокшей от ливня
тропинке,
И пройдена лишь половина пути.

Автобус чихнул и застрял на дороге,
А мне обязательно надо домой.
Хотя заливает озябшие ноги
Осенняя слякоть Отчизны родной.

Плетусь понемногу...
А дождь не стихает –
Навис над Кызылом сырой пеленой.
А дома детишки меня ожидают,
Заранее радуясь встрече со мной.

Вдали, за спиною, остались отары
Овец-облаков, что сошли с высоты.
И – ввысь устремлённый,
как мир этот старый,
Дымок горьковатый аратской юрты.

* * *

Меня жестокосердной не зови.
Я лишь немногословною бывала...
И, не соря признаньями в любви,
Я о любви сказала очень мало.

Я обозналась – встреченная мной
Весна чужой весною оказалась...
Но и тогда я, ненаглядный мой,
Строкой к себе не выжимала жалость.

Весенние цветы цвели в лугах.
Но вышел срок – и все они угасли.
Зато зажглись в седых моих горах
Осенние цветы – они прекрасны!

Хоть мир, нас окружающий, жесток,
Но ты, любимый, согласишься со мною –
Единожды цветёт любви цветок –
Причём не обязательно весною!

* * *

Я – дочь высоких гор,
Мне тесно на равнине.
Чтоб дух высокогорный не ослаб,
Спешу к Монгун-Тайге –
Навеки и отныне –
Туда не долетают сплетни баб.

Там опадают бабьи пересуды
Досужею докучной шелухой...
И, как давно заслуженное чудо,
Я обретаю неземной покой.

Перевела с тувинского Диана Кан.

Лидия Херлиевна Иргит родилась в селе Шуй, в местечке Сайыр-Аксы Бай-Тайгинского кожууна (Республика Тыва) в 1954 году, в семье многодетного арата. Среднее образование получила в Мугур-Аксынской национальной школе. В 1979 году окончила филологический факультет Кызылского государственного педагогического института, в 1997 году – Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (семинар Юрия Кузнецова).

Автор ряда сборников стихов, прозы и очерков, в том числе поэтических книг «Цветок таволги», «Серебряный родник», «Семь граммов счастья», изданных в Москве на русском языке.

Заслуженный работник культуры Республики Тыва. Член Союза писателей России. Живет в Кызыле.

